

Он всегда любил русский флот

Леонид АМИРХАНОВ

«Постройка и вооружение судов... постепенными улучшениями доведены до такого состояния, что предметы усовершенствования по этой части, которые заслуживали бы у нас подражания или введения, становятся с каждым годом все малочисленнее и ничтожнее». Эта цитата из отчета за 1851 год главы Морского ведомства св. кн. А. С. Меншикова, правнука петровского фаворита, хорошо иллюстрирует состояние дел российского флота того времени. Один из образованнейших людей, остроумцев, чьи афоризмы быстро разлетались по Петербургу в виде анекдотов, он, увы, был абсолютно сухопутным человеком, не понимавшим надежд и чаяний русских моряков.

Разгребать «авгиевы конюшни» этого наследства пришлось второму сыну императора Николая I Константину Николаевичу (1827–1892). Слово «реформы» совершенно точно отражает смысл деятельности великого князя. Рассказывая об этом интересном человеке, мы будем называть иногда нашего героя К. Н., подобно тому, как подписывал свои стихи его талантливый сын Константин Константинович Романов (К. Р.), чем сэкономим издателю треть страницы.

Константин Николаевич, по отзыву своего внука князя Гавриила Константиновича, был «одним из культурнейших людей своего времени, самым умным и образованным из лиц императорской фамилии». Спасибо за это надо говорить воспитателям, которые занимались с великими князьями. К. Н. с самого раннего детства испытывал сильнейшее влияние двух незаурядных личностей — Василия Андреевича Жуковского и Федора Петровича Литке. Жуковский, талантливый русский поэт, занимался со всеми детьми Николая I, в том числе и с будущим императором Александром II. Капитан I ранга Ф. П. Литке, назначенный воспитателем К. Н. 3 ноября 1832 года, к этому времени слыл уже опытным мореплавателем. Его метеорологические и гидрографические изыскания в северных широтах на бриге «Новая Земля» и на шлюпе «Сенявин» во время

кругосветного плавания были широко известны и по достоинству оценены в научных и морских кругах.

И вот ученый-путешественник, полный разнообразных идей и замыслов, оказался в роли гувернера при пятилетнем мальчике, который, кстати сказать, родился 9 сентября 1827 года в Гатчине. Но приказы, а тем более императорские, не обсуждаются. И Федор Петрович сделал для России, быть может, гораздо больше, чем смог бы, путешествуя по морям и океанам. Литке предстояло воспитать будущего главу российского военно-морского флота, и он с этой задачей справился великолепно. Приучая своего воспитанника к морю, 2 июня 1833 года он писал своей сестре Наталье: «Настает время маневренное. Государь — в Красном Селе, скоро будут и здесь лагеря; шуму, стукотни и всякой всячины будет довольно; но все это до нас маленьких не касается. Мы ездим себе на море всякий день, или катаемся в пруду...». Литке учил юного князя морским наукам, плаванию, заботился о его физической подготовке, прививал любовь к морю. Но настоящему моряку нужна еще и светлая голова, способная воспринимать новое, анализировать происходящее и принимать решения. Общение со своим учителем сыграло для К. Н. очень большую роль и, главное, помогло ему раскрыться как необыкновенного масштаба личности и государственному деятелю.

Это общение прервалось весной 1839 года, когда Литке, нуждавшийся в лечении, отправился искать его в Европе. За четыре месяца разлуки он написал своему воспитаннику множество писем, проникнутых уважением и вниманием к двенадцатилетнему мальчику. Но самое интересное, что после возвращения Федора Петровича переписка не прекратилась. Более того, к ней присоединился Жуковский. Литке считал, что «письма — суть как бы зеркало человека, в котором он отражается как живой».

Вообще переписка Литке и Жуковского с великим князем сыграла огромную роль в формировании личности последнего. Вот фрагмент из одного письма Жуковского К. Н.: «Материальное знание языка и искусство овладения им... можете Вы мало-помалу приобрести от навыка. Но прежде будьте человеком, имейте ясные мысли, высокие чувства, теплоту сердца и любовь к правде, тогда Ваш слог будет выражением прекрасного. И тот, кто будет Вас читать, догадается, что он беседует с Великим князем, достойным своего имени и звания».

«Как радует меня, что почтенный наш Василий Андреевич принял такое же живое участие в нашей переписке! Письма его, в которых так живо выражается его ум, его прекрасная чистая душа, его преданность и любовь, бескорыстная и беспредельная ко всему дому Государя Отца Вашего, будут для Вас бесконечно полезны», — писал Литке.

Однако письма письмами, а служба службой. Определен К. Н. на морскую стезю, Николай I назначил четырехлетнего сына генерал-адмиралом флота и шефом гвардейского экипажа. Восхождение К. Н. по лестнице морских чинов отметим в краткой статистической манере: мичман (1834), лейтенант (1843), капитан (1844), капитан I ранга (1846), контр-адмирал, шеф Морского кадетского корпуса (1848), вице-адмирал (1853), адмирал, шеф 29-го флотского экипажа (1855).

Разумеется, морские походы великий князь совершал ежегодно. В восемь лет он отправился в свое первое морское плавание на военном корабле «Геркулес». Потом были плавания по Финскому заливу на люгере «Ораниенбаум» и так называемые «крестовые походы» — путешествия в столицы морских государств, во время которых офицеры команды получали немало иностранных наград. Первое серьезное плавание К. Н. совершил в 1844 году на корабле «Ингерманланд» из Архангельска в Кронштадт, а год спустя участвовал в важнейшем, в государственном плане, походе, посетив Константинополь, греческие острова Средиземноморья и, главное, Афон. К. Н. был первым представителем русской царствующей фамилии, посетившим Афон, и ему оказали почести, соответствовавшие его положению. Это плавание произвело на него сильнейшее впечатление. «Я всегда очень любил русский флот, но особенно с черноморского путешествия», — писал К. Н. в одном из писем.

Причем К. Н. был не только сиятельным пассажиром — в 1844 году его назначили командиром брига «Улисс», а в 1846 году он стал командовать фрегатом «Паллада», на котором совершил в 1847 и 1848 годах две морские кампании. Дотошными историками подсчитано, что в общей сложности К. Н. до 1878 года совершил около 50 плаваний, в тече-

ние которых провел на море 1375 дней, то есть более трех с половиной лет. Так что море и флот он знал хорошо.

Одним из важных дел было составление нового Морского устава, которое началось в 1850 году и успешно завершилось через три года. К. Н. возглавил занимавшийся этим Комитет, задача которого была, казалось, несложной. Николаевское время характеризовалось обилием кодексов, законов, правил, которые представляли собой своды изданных в разное время положений, постановлений, дополненных новыми статьями. Все это требовалось систематизировать и привести в удобоваримую форму. Но К. Н. решил создать устав, который отражал бы новейшие достижения морской науки и практики и не уступал по своему уровню лучшим европейским уставам. Поэтому он считал необходимым приступить к составлению устава лишь «по внимательном соображении законов прошедшего времени, узаконений иностранных и мнений всех отличных моряков». Отдельные положения проекта рассылались адмиралам и некоторым офицерам с предложением прислать на них свои замечания. К. Н. лично изучал полученные замечания и предложения, а их было около 4500 (!), и составил новый проект, который представил на окончательное рассмотрение Комитета.

Будущий министр внутренних дел П. А. Валуев писал: «Могло ли бы все это быть сделано, если бы судьбами Морского министерства ныне не правила твердая рука генерал-адмирала, носящего титул императорского высочества?».

Граф Федор Петрович Литке, адмирал, мореплаватель и географ, исследователь Арктики

В январе 1853 года в связи с отъездом А. С. Меншикова в Константинополь К. Н. вступил во временное управление Морским министерством. Но так как Меншиков вплоть до своей отставки в Петербург больше не возвращался, то именно с этого времени для К. Н. начался почти 30-летний период управления флотом. Опыт составления устава определил порядок законодательных работ и в дальнейшем. Историческое обозрение законодательства, изучение иностранных законоположений и гласное обсуждение проекта реформы — эти три элемента стали обязательными при подготовке преобразований в Морском ведомстве.

После нескольких месяцев начались перемены в личном составе управления. Одно из них окажется очень важным. Управлявший второстепенным Ревельским портом Ф. П. Литке назначается главным командиром Кронштадта. Начавшаяся вскоре Восточная (Крымская) война подтвердила правильность этого решения: именно Литке сделал все возможное для защиты Кронштадта.

Крымской войне предшествовал весьма неприятный эпизод. В начале июля 1854 года из Санкт-Петербурга в Кронштадтскую военную гавань доставили новый ботик, построенный по модели, присланной великому князю из Америки. 17 июля К. Н. на своем 16-весельном катере отправился в военную гавань для осмотра некоторых работ, а затем к шлюпочному сараю, где находился готовый к плаванию ботик. Осмотрев его, К. Н. сел на руль и предложил сопровождавшим его лицам составить его экипаж. «В кормовом сидении» поместились контр-адмирал К. И. Истомин, адъютанты К. Н. капитан-лейтенант князь Е. А. Голицын и П. Ю. Лисянский (сын известного мореплавателя

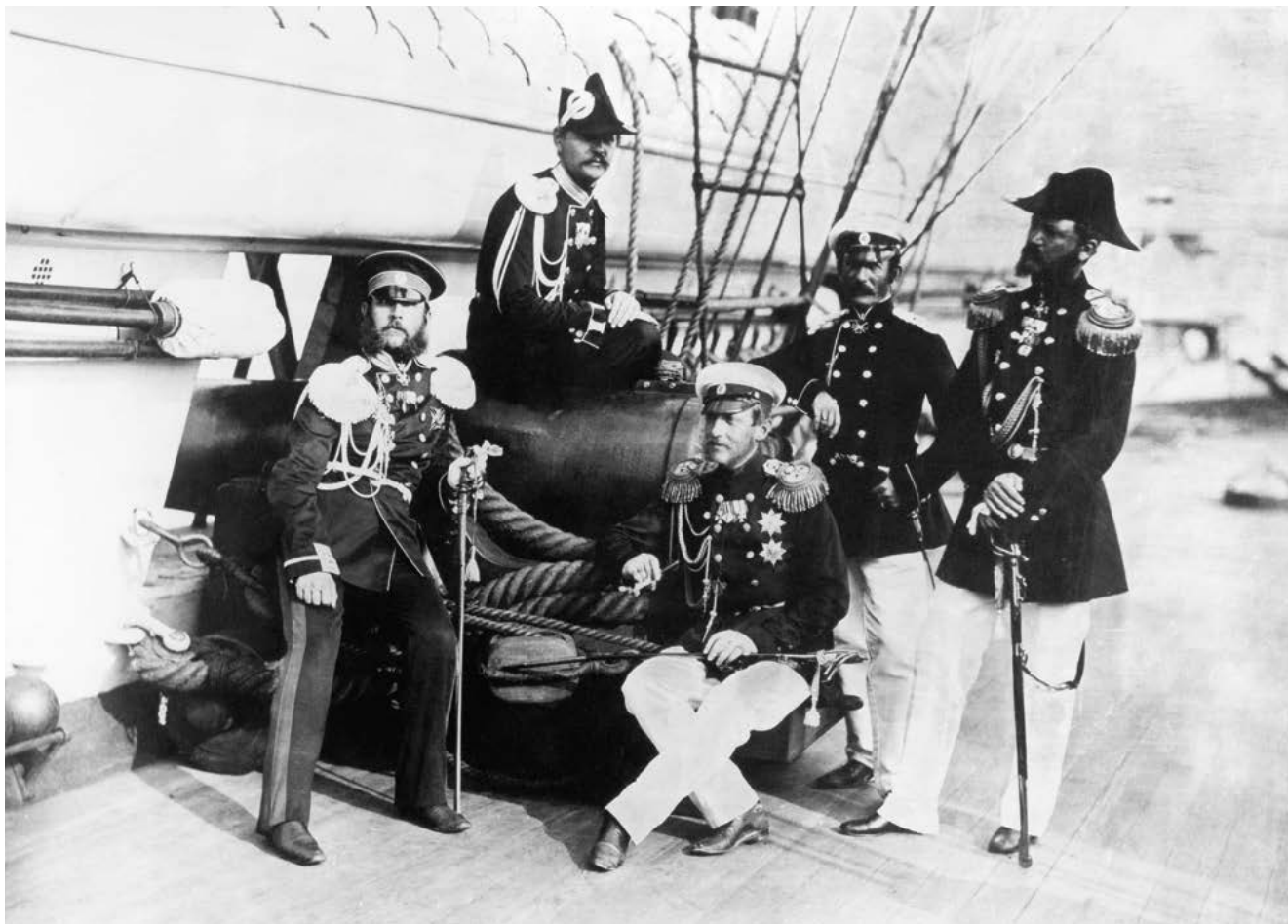
Ю. Ф. Лисянского), а на баке — капитан-лейтенант Ф. О. Юшков и бывший при вооружении ботика унтер-офицер Михеев.

К. Н. приказал своему катеру, которым правил Гвардейского экипажа отставной боцман Русначенко, вывести лодку на буксире за портовые ворота, так как «в гавани ветер не действовал на паруса». Выйдя за ворота, К. Н. скомандовал катеру отдать буксир и следовать за ботиком, направив его к Ораниенбауму. Через две минуты резкий порыв ветра положил маленький парусник на борт. Еще через мгновение он «черпнул воды в люки» и перевернулся. Позднее, будучи вице-адмиралом, Лисянский вспоминал, что ботик имел «недостаточный балласт и неуравновешенную парусность, в результате чего руль постоянно ходил под ветром».

Катер на веслах помчался к месту крушения. К. Н. и Юшков плыли навстречу катеру, и вскоре гребцы подняли их на борт. Истомин, Лисянский и Михеев держались за мачту, пока ботик не погрузился на дно. Пятеро гребцов катера — опытных пловцов — прыгнули в одежде в воду для оказания помощи. Увы, князя Голицына спасти не удалось; как выяснилось позднее, он был «ушиблен люком при падении в воду».

На палубе винтового фрегата «Генерал-Адмирал».

Слева направо: полковник С. А. Грейг, лейтенант барон А. И. Бойс, генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич, генерал-штаб-доктор Балтийского флота тайный советник И. С. Гауровиц, командир фрегата «Генерал-Адмирал» капитан I ранга И. А. Шестаков. Рейд острова Уайт (Англия), 1859 г.

На катере К. Н. и Лисянский сели за грёбными, чтобы согреться, в воде они пробыли от 15 до 20 минут. Лисянский вспоминал: великий князь плыл, так высоко поднимая плечи, что «эполеты оставались сухими... и сейчас он носит те же очки и часы, которые имел при себе в тот день».

Моряки, участвовавшие в спасании, получили награды: командир шлюпки — 100 рублей, 16 грёбцов — по 25 рублей. Кроме того, командир и пятеро матросов, прыгнувших в воду, получили серебряные медали «За спасение погибавших».

Смерть отца, Николая I, для К. Н. имела последствием «более самостоятельное положение и вызвала его к самодеятельности». Новый император Александр II через четыре дня после вступления на престол уволил Меншикова от всех должностей и повелел своему младшему брату «по званию генерал-адмирала управлять как флотом, так и Морским министерством». И при этом «распоряжаться морской частью по собственному усмотрению».

Для флота наступило время серьезных перемен. Нестоятельность морских сил империи требовала решительных мер. Флоту был необходим опытный и профессионально образованный личный состав, высокое качество и техническое совершенство кораблей и эффективная, оперативная и в то же время дешевая администрация.

Лучшим способом воспитания «истинных моряков» К. Н. считал дальние плавания, при этом думал о совершенствовании морского образования. Большую роль в просветительской деятельности играл издаваемый в Санкт-Петербурге журнал «Морской сборник». Были приняты меры для подъема духа личного состава: улучшались бытовые условия жизни моряков и создавались благоприятные условия для их разностороннего развития. Главной задачей в области кораблестроения ставилась необходимость «иметь флот, который качествами своими не уступал бы никакому иностранному и только числом судов мог бы считаться слабее». При этом корабли следовало строить исключительно на русских верфях, ведь это, как справедливо утверждал К. Н., «употребляет наши русские материалы, образовывает своих мастеровых и содействует нас в морском отношении не зависимыми от иностранцев».

Что касается административного управления, построенного на новых началах, то оно должно было служить залогом успешного решения всех остальных проблем. «Новые начала» заключались в упрощении структуры управления и уменьшении числа чиновников, с тем чтобы «средства, предоставляемые государственным казначейством Морскому министерству, употреблялись преимущественно на боевые силы флота... и сколь можно менее расходовались на прочие учреждения Морского ведомства».

И главное, что все эти положения усилиями Константина Николаевича и его помощников претворялись в жизнь. Одним из тех, кто активно поддерживал деятельность К. Н., был его секретарь А. В. Головнин, сын известного мореплавателя В. М. Головина. Александр Васильевич окончил в 1839 году Царскосельский лицей с золотой медалью и служил в Министерстве внутренних дел, пока в 1848-м не

поступил чиновником для особых поручений в Главный Морской штаб. Он участвовал в работе Комитета для составления нового Морского устава, и с тех пор с К. Н. его связывали не только служебные дела, но и личная дружба, однако субординация при этом соблюдалась неукоснительно.

В 1854 году Головнин был официально назначен состоять при особе генерал-адмирала и прослужил до 1859 года, став членом Главного правления училищ при Министерстве народного просвещения, которое возглавил в 1861-м. Он был самым либеральным министром.

Простое перечисление всех преобразований в Морском министерстве заняло бы много места, но вся эта работа привела к возрождению российского флота, началу строительства новых мощных броненосцев и крейсеров.

Параллельно с флотской деятельностью К. Н. занимался и не менее важной — государственной, впрочем, чем дальше, тем труднее было отличить одну от другой. В 1849 году К. Н. получил право присутствовать на заседаниях Государственного Совета, правда, не принимая участия в решении дел. Членом Государственного Совета он стал в 1850-м, а с мая по июнь 1862 года замещал председательствовавшего графа Д. Н. Блудова во время его болезни. Полноправным же председателем этого важнейшего органа он станет в январе 1865 года, а до этого примет активное участие в продвижении реформ 1861 года, возглавляя Главный комитет по подготовке проекта освобождения крестьян.

В своем дневнике 19 февраля 1861 года К. Н. записал, что после обедни и молебна в Зимнем дворце «...остался посмотреть, как Саша подпишет Манифест... Сперва он его громко прочел и, перекрестившись, подписал, а я его засыпал песком. Потом в течение дня он подписал и все «Положения»... С сегодняшнего дня, стало быть, начинается новая история, новая эпоха России». Князь П. В. Долгоруков писал: «Без всякого сомнения, русские крестьяне обязаны Константину Николаевичу и своей свободой, и своим земельным наделом. Это великая бессмертная заслуга его перед Россией и перед человечеством». В том же 1861 году К. Н. получил золотую медаль «За труды по освобождению крестьян».

Отдельная тема — восстание в Польше. Очередные волнения там начались в июле 1860 года. Сменявшие в этот период друг друга наместники только усугубляли положение. Дело дошло до покушений на них. В этой ситуации

Александр II отправляет в Польшу своего младшего брата Константина. То, что случилось вскоре после приезда К. Н. в Варшаву, очень хорошо показывает суть этого человека. 4 июля 1862 года, когда великий князь выходил из театра, некий Людовик Ярошинский — портной-подмастерье — почти в упор выстрелил в К. Н. из пистолета. К счастью, ранение оказалось легким, а стрелявшего ждала смертная казнь. О том, что чувствовал при этом К. Н., он написал в письме императору: «Сегодня утром совершена казнь Ярошинского при большом стечении народа. Около эшафота были поставлены 8 рот карем [каре. — Л. А.], и два батальона были приготовлены в цитадели. Но все обошлось тихо и спокойно. Не могу сказать тебе, любезнейший Саша, как у меня тяжело на душе, что ради меня человек лишен жизни и что я сам должен был подписать его смертный приговор. Никому не желаю я пережить, что во мне происходило, когда я подписывал свое имя под конфирмацию. Утешаю себя только тем, что, положив руку на сердце, могу сказать, что во мне не было ни малейшего чувства мести против Ярошинского, что на том свете я могу прямо и честно смотреть ему в глаза, потому что я, Костя, против него ничего не имею и что казнит его Наместник по государственной надобности». К счастью, наместничество К. Н. продолжалось недолго — там требовалась твердая рука и отсутствие сострадания.

Великий князь Константин Николаевич, кроме всего прочего, состоял: почетным членом Императорской Академии наук; Санкт-Петербургского, Дерптского и Казанского университетов; Одесского Общества истории и древностей; Михайловской Артиллерийской академии; Лондонского Географического общества; председателем Императорского Русского географического общества, Русского археологического общества, Альтенбургского Общества естествоиспытателей, Русского музыкального общества и многих других.

Убийство Александра II Освободителя 1 марта 1881 года круто повернуло жизнь всей России, в том числе и жизнь

К. Н. Александр III был не в восторге от деятельности своего дяди и, уволив его от государственной службы, поставил на его место великого князя Алексея Александровича, ставшего Главным начальником флота и Морского министерства. В результате многое созданное Константином Николаевичем было бездарно загублено...

Что касается его личной жизни, он состоял в браке с великой княгиней Александрой Иосифовной, а дети (четыре сына и две дочери) его не разочаровывали.

Кабинет Константина Николаевича в Мраморном дворце. Фото неизвестного фотографа, 1894 г.

